

лом **goliti*, семантика которого включает и значения типа «грабить, обворовывать» (болг. *голя*). То обстоятельство, что в первом слове серб.-хорв. *galiba* представлено -а-, а не -о-, недвусмысленно указывает в таком случае на «обратное заимствование» из венгерского.

Значение книги Л. Хадровича безусловно шире ее названия: богатый и интересный материал книги полезен не только тем, что автор предоставил в наше распоряжение значительное количество совершенно новых данных по венгеро-сербохорватским данным, но и тем, что отныне эти данные будут использоваться специалистами по славянской этимологии самых различных профилей. Ограничимся лишь одним примером: согласно принятому в этимологии мнению [6], русск. *фетюк*, *фитюк* «болван, лентяй», *фатюй* «вахлак» представляют собой образование от буквы *фита*. Это объяснение, которое мы находим уже в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя («фетюк слово обидное для мужчины, происходит от фиты, буквы, почитаемой некоторыми неприличной буквой»), конечно, по существу своему народно-этимологическое. Истинное же происхождение этого слова (бывшего, вероятно, сперва принадлежностью аргю) вытекает из приводимых Л. Хадровичем названий бастарда, незаконнорожденного — венг. *fattyú* и серб.-хорв. *fačuk* и т. п. К венгерскому слову через посредство различных «тайных» языков восходит как русск. *фетюк*, *фитюк* (вероятно, образованное с помощью венгерского суффикса мн. ч. -к, как *гайдук* от венг. *hajdú*), так и *фатюй*.

Наши замечания, как можно надеяться, лишь подчеркнут научное значение

и высокий методический уровень, характерный для рецензируемого труда. Во многих отношениях книга Л. Хадровича может послужить образцом историко-этимологического изучения языковых контактов. Если в ближайшее десятилетие карпатистика и балканистика могли бы обогатиться аналогичными исследованиями по парам контактирующих языков, выполненными столь же тщательно, стала бы возможной и постановка более объемной задачи: историко-этимологического изучения карпатской и балканской лексики как целостного лингвистического явления, возникшего в результате многовекового этнолингвистического взаимодействия. Не остается сомнений, что новая книга о венгеро-сербохорватских лексических связях будет с большим интересом принята и унгаристами, и славистами.

Орел В. Э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Miklosich F.* Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Wien, 1867.
2. *Munkácsi B.* Magyar elemek a deli szlav nyelvekben // *Nyelvtudományi Közlemények.* 1882. XVII. P. 66—126.
3. *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika.* Knj. I. Zagreb, 1880. S. 380.
4. *Орел В. Э.* Балканские этимологии 14—28 // *Этимология.* 1983. М., 1986.
5. *Этимологический словарь славянских языков.* Праoslavянский лексический фонд. Вып. 2. М., 1975. С. 225—226.
6. *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка.* Т. 4. М., 1973. С. 197.

Миронов С. А. История нидерландского литературного языка (IX—XVI вв.) М.: Наука, 1986. 199 с.

Фундаментальное исследование С. А. Миронова «История нидерландского литературного языка» вышущено в серии «История германских литературных языков», осуществляемой силами сотрудников сектора германских языков Института языкознания АН СССР. Эта серия, в которую, кроме книги С. А. Миронова, входят работы по истории английского и немецкого литературных языков [1—3], ставит своей задачей на новых основаниях, учитывая целый комплекс историко-культурных процессов и явлений, попытаться рассмотреть литературный язык не только в его внутреннем развитии, но и в его многообразных социальных и культурных функциях и связях. Эти

задачи ставятся и во многом успешно решаются и в рецензируемой работе по истории нидерландского литературного языка.

Значительный интерес представляет первая глава книги, озаглавленная «Ранний (древненидерландский) период». В ней С. А. Миронов сделал попытку реконструировать некоторые элементы языковой ситуации, на фоне которой развивался нидерландский язык древнейшего периода, когда последний еще не обрел автономности в рамках западногерманского ареала и когда в нем сложным образом взаимодействовали франкские и фризско-саксонские компоненты. Автор тщательно собрал, проанализировал и обобщил

данные, свидетельствующие об исторической, культурной и языковой специфике северо-западных районов, где в дальнейшем формируется нидерландская народность. Здесь и материал топонимики, и древнейших глоссариев, и отдельных сохранившихся письменных фрагментов и единичных памятников.

Рассматривается также дискуссионный вопрос о возможности существования в данном ареале устной эпической традиции и обсуждаются причины ее утраты. Специально выделен раздел, в котором рассматривается роль латыни в наиболее древний период существования нидерландского языка.

В результате анализа сохранившегося языкового материала С. А. Миронов реконструирует два ареальных варианта «древненидерландского» — ведущий западный вариант древнефранкского языка и периферийный по своему статусу восточный вариант, представленный языком «Вахтендонских псалмов», возникших в лимбургском районе. Позднейший среднеидерландский язык в его основном фламандско-брабантском варианте является в известной мере продолжением тех структурных тенденций, которые были заложены в древнейшем западном варианте, — таков основной вывод автора. Автором приводятся также отдельные стилистические характеристики сохранившихся языковых элементов, согласно которым зафиксированный в письменных фрагментах тип языка носит сугубо книжный характер и, видимо, не отражает разговорно-бытовых форм речи.

Вторая глава книги посвящена детальному рассмотрению среднеидерландского периода, т. е. XIII—XV столетий. Это эпоха развитого феодализма, формирования и упадка рыцарской и зарождения городской культуры, что было связано с интенсивным ростом городов, прежде всего — в Южных Нидерландах. После вводных разделов, характеризующих историческую и культурную ситуацию, подробно рассматривается языковая ситуация, сложившаяся в данный период. К элементам этой ситуации автор относит прежде всего систему форм существования языка, взаимоотношение ее основных компонентов — литературного языка и диалектов, а также характеристику региональных вариантов литературного нидерландского языка в его письменной форме. Дается также характеристика сфер применения латинского языка и определяется степень влияния французского языка на нидерландский. Большое внимание в данной главе уделяется процессам нивелировки диалектных признаков и выработке наддиалектных черт литературного языка. Наряду с этим

учитываются разные аспекты дифференциации языковых процессов.

В территориальном плане выделяются два ведущих ареала — фламандский и брабантский, игравшие в XIII—XV столетия важную роль. Пять других — голландский, утрехтский, зelandский, лимбургский и северо-восточный нидерландский — занимают в этот период периферийное положение. В историко-хронологическом плане в рамках «среднего» периода автор выделяет два основных этапа: эпоху расцвета феодальной рыцарской культуры и кургузлой литературы (XVI—XIV вв.) и период развития городской бюргерской культуры и дидактической литературы (XIV—XV вв.). При этом отмечается настоятельная необходимость учета жанровой специфики и функционально-стилистической дифференциации языка письменных памятников разных региональных вариантов, относящихся к отдельным этапам развития среднеидерландского литературного языка. Это положение реализуется на основе детального рассмотрения различных литературных жанров. В поле зрения автора находятся основные виды письменности данного периода — художественная литература разных жанров и направлений (героический эпос, роман, лирика, драма), религиозная и дидактическая литература, хроники, деловая письменность. Героический эпос представлен «Карелом и Элегастом», рыцарский роман — «Валевейном» и «Ферхютом», различающимися своей ареальной спецификой, а также временем создания. К религиозной литературе относятся произведения мистиков — брабантской поэтессы Хадевих (XIII в.) и теолога Рюсбрука (XIV в.), автора известных теолого-философских трактатов. Стихотворные памфлеты крупнейшего поэта нидерландского средневековья Марланта являются образцами городской дидактической литературы. Таким образом, в работе С. А. Миронова рассматривается репрезентативный корпус литературных и религиозных текстов, дополненный памятниками деловой прозы.

Языковой анализ памятников осуществляется выборочно, но этот выборочный комплексный анализ сочетается с общей характеристикой основных структурных процессов, существенных для среднеидерландского языка. Кроме фонетических и морфологических признаков, рассматриваются также словообразование, лексика и фразеология. В особый раздел выделена подробная характеристика среднеидерландского синтаксиса. При этом учитываются как общие для всех типов памятников явления и процессы, так и их жанрово-стилистические дифференциации, что весьма существенно для проблем

исторического синтаксиса германских языков.

Последняя (третья) глава монографии С. А. Миронова содержит развернутую характеристику языковых отношений XVI столетия, периода, который автор считает переходным по отношению к процессам становления современной литературной нормы нидерландского языка. Эта характеристика, как и в предыдущих разделах, дается на широком культурно-историческом и социально-историческом фоне. Автор выделяет и подробно характеризует следующие ключевые моменты: 1) перенос центров языкового развития на север в Голландию при сохранении роли брабантской литературной традиции; 2) изменения в составе функциональной парадигмы нидерландского языка, связанные с формированием городских койне; 3) расширение функций литературной формы языка; 4) активные нормализационные и кодификационные процессы, обусловленные деятельностью языковых обществ («камер риторик»), а также отдельных нормализаторов (Спихель, Киллиан и др.).

Расширение функций нидерландского литературного языка происходит за счет его более активного и последовательного использования в сфере науки, права, деловой переписки. Художественная литература пополняется новыми прозаическими и поэтическими жанрами (комедии, моралите, народные книги — в прозе, сонет, ода — в поэзии). В различных видах письменности и в трудах нормализаторов С. А. Миронов прослеживает попытки объединения брабантской основы литературного языка с северными элементами. В конце века в словаре Киллиана наблюдается стирание ряда локальных характеристик у ранее территориально маркированных лексем. Большое внимание в главе уделяется также проблемам стиля, в частности, важнейшим процессам выработки «среднего», нейтрального стиля, формирование которого, бесспорно, тесно связано с начальными процессами становления литературных норм. Прослеживается также проникновение в отдельные литературные жанры, в частности в комедии, элементов сниженного стиля, чего ранее в таких широких масштабах не наблюдалось.

В Заключении С. А. Миронов намечает основные вехи на пути нидерландского языка к единой литературной норме. В центре внимания автора — дальнейшее расширение функций литературной формы языка и углубление ее жанрово-стилистической дифференциации за счет выделения различных типов расслоения литературного языка в соответствии со все увеличивающимися разнообразием его функций. В территориальном аспекте

прослеживается рост авторитета и фактического влияния голландского варианта литературного языка на всей территории Нидерландов. Весьма существенны и наблюдающиеся процессы формирования голландского городского просторечия (на основе языка Амстердама), своеобразного наддиалектного койне, послужившего базой обиходно-разговорного нидерландского языка. В результате двучленная функциональная парадигма (литературный язык — диалект) трансформируется в трехчленную. Обобщенно охарактеризованы в данном разделе и важнейшие процессы нормализации и кодификации литературных норм в XVII столетии, заключающие книгу.

Глубокие и обширные знания, отсутствие схематизма в понимании и представлении ведущих культурно-исторических и языковых процессов отличают С. А. Миронова как исследователя, что в полной мере нашло отражение в обсуждаемой монографии. Критикуя слишком прямолинейную схему неоднократной смены диалектной базы нидерландского литературного языка, представленную в зарубежной нидерландистике, С. А. Миронов набрасывает сложную картину эволюции нидерландского литературного языка. Им убедительно показано и доказано взаимодействие двух моментов: сохраняющей преемственность литературной традиции и смены диалектного субстрата. В разные исторические эпохи соотношение ведущих страт (диалекта и литературного языка) оказывается весьма различным, что в большой мере и определяет принципиальные расхождения в конкретных результатах их взаимодействия в процессе становления наддиалектной и нормализованной литературной формы языка. По-новому представлена и осмыслена в работе и вся линия стилистического развития нидерландского литературного языка, хотя состояние памятников отдельных периодов не позволило автору одинаково равномерно проследить соответствующие процессы. Своего рода продолжением рецензируемой работы является статья С. А. Миронова [4]. Приходится, однако, пожалеть, что отмеченные в данной статье тенденции почти не получили отражения в самой обсуждаемой работе.

В заключение следует подчеркнуть, что книга С. А. Миронова, содержащая богатейший материал по истории нидерландского литературного языка, должна рассматриваться как значительный вклад не только в нидерландистику, но и в общую теорию развития литературных языков, тематику, которая давно и успешно разрабатывается в отечественной лингвистике на материале самых разных языков. Можно надеяться, что рецензируемая мо-

нография будет с интересом и пользой прочитана как лингвистами, так и литературоведами.

Семенюк Н. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гухман М. М., Семенюк Н. Н. История немецкого литературного языка IX—XV вв. М., 1983.

2. Гухман М. М., Семенюк Н. Н., Бабенко Н. С. История немецкого литературного языка. М., 1984.

3. Яруева В. Н. История английского литературного языка IX—XV вв. М., 1985.

4. Миронов С. А. Стилистическое расчленение в языке нидерландских писателей XVII в. // ВЯ. 1986. № 3.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Около 145 000 слов. Т. I. 856 с.; Т. II. 888 с. М.: Русский язык, 1985.

Успехи, достигнутые в изучении синхронного русского словообразования за последние десятилетия, выразились в опубликовании ряда фундаментальных исследований по теории дериватологии и в полной мере нашли отражение в рецензируемом словаре. Ему предшествовал «Школьный словообразовательный словарь русского языка» того же автора (М., 1978, 727 с.)¹.

Рецензируемый словарь раскрывает словообразовательную структуру огромного массива производных слов русского языка. Он показывает, на базе какого производящего, каким способом и каким словообразовательным средством образовано каждое производное. При этом устанавливаются синхронные отношения в словообразовательной паре: производное и производящее выступают как сосуществующие единицы в словаре современного русского языка.

«Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова — первый большой гнездовой словообразовательный словарь русского языка. Основной единицей его является словообразовательное гнездо, которое автор словаря понимает как «совокупность однокоренных слов, имеющих в современном русском языке живые смысловые связи» (с. 3). Словарь показывает ступенчатый характер русского словообразования, роль и место каждого члена гнезда в порождении других единиц, таким образом, дает возможность выяснить словообразовательный потенциал практически каждого русского слова.

В структуру словаря, помимо словообразовательных гнезд и необходимого

в каждом словаре введения («Как пользоваться словарем»), входит раздел, содержащий основные теоретические положения словообразования, которые легли в основу словаря. Внесение этого раздела представляется важным и полезным в связи с тем, что в настоящее время многие вопросы дериватологии и морфемки не имеют однозначного решения. К таковым, в частности, относятся: признаки морфемы, принципы идентификации морфем, явления морфемного шва, интерфиксация, морфемный статус уникальных морфем, понятие субморфа, множественность мотивации, словообразовательная синонимия и синонимия, расхождение формальной и смысловой производности, словообразовательная парадигма и некот. др.

А. Н. Тихонов — автор многих работ по основным проблемам русского словообразования. При составлении словообразовательного словаря он учитывает многообразие существующих решений спорных вопросов и обычно обоснованно выбирает одно из них. Так, вполне целесообразным представляется помещение в состав гнезд мотивированных слов с уникальными аффиксами (ср. *попадья*, *почтамт* и др.). Выведение их за пределы соответствующих гнезд, на наш взгляд, исказило бы общую картину взаимоотношений однокоренных слов.

Введение понятия интерфикса во многих случаях дает возможность наиболее логично объяснить словообразовательную структуру слова (ср. *шоссе-й/-н-ый*, *кинош/-ник* и др.).

Учет множественности мотивации показывает объективный и сложный характер словообразовательных отношений в системе языка (например, невозможность отнести только к одному словообразовательному типу производные глаголы *обесцветить*, *обессилить* и под.: они с равными основаниями мотивируются и существительными *цвет*, *сила*,

¹ Ранее опубликованные словари, носящие названия словообразовательных, представляют собой словари морфемные: в них содержится расчлененные на морфемы слова, но не устанавливаются отношения производности (см. [1, 2]).